

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.015

Национальная аксиология в рассказе И.С. Тургенева «Смерть», или об апофатике русской смерти

Дударева Марианна Андреевна

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка № 2 ФРЯ и ОД,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
докторант,
Шуйский филиал Ивановского государственного университета,
155908, Российская Федерация, Шуя, Кооперативная ул., 24,
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется один из рассказов цикла «Записки охотника» — «Смерть». Это произведение привлекало литературоведов с точки зрения проявленности христианской мысли, нравственного идеала итога жизни в творчестве И. С. Тургенева. Проводились параллели с античным наследием, сравнивалось отношение к смерти древних философов и репрезентация встречи с Танатосом в поэтике русского писателя. Однако глубокое знание Тургеневым устного народного творчества позволяет обратиться к русской фольклорной традиции, национальной аксиологии. В русской волшебной сказке герой не боится путешествия в «иное царство» и таким образом удовлетворяет свою духовную потребность — добывает вещую невесту, чудесный предмет, сакральное знание. Анализируя все смертные эпизоды в рассказе, можно выявить специфический характер образа русской смерти, указать на его апофатизм и амбивалентность: русский человек не боится смерти, не стремится спасти себя, но старается завершить все земные дела и умереть дома. Русскому человеку даже все равно, умрет он или нет. Подобное отношение в онтологическом плане проецируется в рассказе и на прекрасную дубовую рощу, деревья которой погибают после сильных морозов. Понять этот дуализм можно только в контексте национальной аксиологии, прочтения произведения в свете славянских мифо-фольклорных представлений.

Для цитирования в научных исследованиях

Дударева М.А. Национальная аксиология в рассказе И.С. Тургенева «Смерть», или об апофатике русской смерти // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 1А. С. 117-121. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.015

Ключевые слова

Русская традиционная культура, апофатика, русская литература, обряд, фольклор, Тургенев.

Введение

Рассказ И. С. Тургенева «Смерть» из цикла «Записки охотника» рассматривался исследователями с точки зрения религиозных православных интенций, и ученые вслед за автором обращали внимание на особенность национальной репрезентации конца жизни: «Преданность Божьей воле как замечательную особенность русского народа Тургенев проникновенно рисует и в рассказе “Смерть”» [Новикова-Строганова, 2018, 36]. Однако за таким отношением к смерти некоторые литературоведы видят высокий нравственный идеал античной культуры, где физический конец не воспринимался как конец существования души и встречался достойно: «...Тургенев размышляет над тем, как ведут себя русские люди перед лицом смерти. Писатель показывает, как умирают приказчик, студент, старушка помещица. При этом он настойчиво вызывает в нашем сознании ассоциации с теми нормами и образцами поведения, которые нашли свое, пожалуй, наиболее яркое воплощение в античной культуре» [Коньшев, 2013, 207–208]. Такой вариант встречи с Танатосом наблюдаем почти в любом архаическом обществе, обладающем мифологическим и фольклорным мышлением. Несмотря на то что творчество Тургенева приходится на конец Нового времени, когда расцвет рационального познания мира, наступающий технический прогресс с разными благами, по тонкому наблюдению Ф. Арьеса, заставили человека отодвинуть свой физический конец, не думать о нем (смерть дальняя) [Арьес, 1992, 273], в рассказе «Смерть» представлен все-таки народный этический и эстетический уход из жизни.

Русский образ смерти

В первом эпизоде, посвященном мужицкой смерти подрядчика Максима, случившейся в лесу, удивляет не столько всепринятие смерти, сколько то, как русский человек метафизически переживает свой уход: «Мы за лекарем послали, Максим, — заговорил мой сосед, — может быть, ты еще и не умрешь. Он раскрыл было глаза и с усилием поднял брови и веки. — Нет, умру. Вот... вот подступает, вот она, вот... Простите мне, ребята, коли в чем...» [Тургенев, 1991, 145]. Максим не только чувствует свою смерть, но и видит ее *образ*, воспринимает смерть имажинативно, на что указывает употребление личного местоимения «она» с указательной частицей «вот». Абсолюты культуры, ее основные коды, оморализованные понятия (перед лицом смерти человек предстает таким, какой он есть) образуют в своей совокупности имажинативный инстинкт культуры [Сбойчикова, 2013]. Однако смерть является только Максиму, а окружающие просто суетятся вокруг умирающего в надежде еще оказать помощь, как бы отрицая смерть: «Я у Ефима... сычовского... — залепетал умирающий, — лошадь вчера купил... задаток дал... так лошадь-то моя... жене ее... тоже... Стали его класть на рогожу... Он затрепетал весь, как застреленная птица, и выпрямился. — Умер, — пробормотали мужики» [Тургенев, 1991, 145]. На пороге смерти, перед самым лицом ее (Максим видит в имажинации смерть), приказчик думает не о себе, а о своих невыполненных делах. В этом, по наблюдению самого рассказчика, заключается особое таинство смерти русского мужика: «Смерть бедного Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает: холодно и просто» [Тургенев, 1991, 145]. Но этот «обряд» заложен в русском человеке на генетическом уровне.

Примечательно то, что в рассказе первым *мортальным событием* является не смерть приказчика Максима, а гибель прекрасной дубовой рощи. С одной стороны, о роще очень

сожалеет рассказчик — со всем чувством, присущим славянину, почитающему дуб как мировую ось [Борисова, 2014, 36], с другой стороны, о ней не заботится барыня и даже не думает о своей выгоде, вовремя не продавая погибшие от мороза дубы: «Иные, еще обросшие листьями внизу, словно с упреком и отчаянием поднимали кверху свои безжизненные, обломанные ветви; у других из листвы, еще довольно густой, хотя не обильной, не избыточной по-прежнему, торчали толстые, сухие, мертвые сучья; с иных уже кора долой спадала; иные, наконец, вовсе повалились и гнили, словно трупы, на земле» [Тургенев, 1991, 143]. Удивительно умирают не только русские люди, удивительно само отношение к смерти человека и растения — в страшной гибели дубовой рощи, описании этой гибели также чувствуется «обряд», о котором повествует рассказчик: холодно и просто доживает эта роща после сильных морозов.

Подобно дубовой роще, ждет смерти и обгоревший мужик на лежанке в своем доме: «Подхожу — лежит мужик, тулупом покрылся, дышит тяжело. “Что, как ты себя чувствуешь?” Завозился больной на печи, подняться хочет, а весь в ранах, при смерти. “Лежи, лежи, лежи... Ну, что? как?” — “Вестимо, плохо”, — говорит. “Больно тебе?” Молчит. “Не нужно ли чего?” Молчит. “Не прислать ли тебе чаю, что ли?” — “Не надо”. Я отошел от него, присел на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса — гробовое молчание в избе...» [Тургенев, 1991, 145]. Почти ничего не нужно русскому мужику перед смертью, но если уж и есть у него желание, то самое простое — попить квасу: «“А, Аксинья!” — проговорил, наконец, больной. “Чего?” — “Квасу дай”. Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. Спрашиваю шепотом: “Причастили его?” — “Причастили”. Ну, стало быть, и всё в порядке: ждет смерти, да и только. Я не вытерпел и вышел...» [Тургенев, 1991, 145]. И в этом замечании о том, что человек просто ждет смерти, а другой человек наблюдает за этим, кроется *апофатизм* русского отношения к финалу жизни. Это трудно понять без проникновения в национальный образ мира, в особенности фольклорного сознания, которое было, безусловно, близко Тургеневу, на что указывает хотя бы выбор писателем народных песен, включенных в цикл рассказов «Записки охотника» [Прийма, 1976].

Герой русской волшебной сказки часто оказывается перед жизненно важным, даже смертельным выбором, когда ему нужно добыть волшебный предмет, спасти вещьную невесту, — он должен отправиться на поиски «инога царства», в путешествие на «тот свет» [Елеонская, 1994, 42]. И нет ни малейшего сомнения у героя русских сказок, что не нужно этого делать. По тонкому замечанию философа Е. Н. Трубецкого, русский человек удовлетворяет свою духовную потребность через поиск «инога царства»: «Одни удовлетворяют потребности в “новой земле” естественными житейскими способами. Другие, напротив, преисполняются отвращением ко всему обыденному, житейскому и испытывают непреодолимое влечение к чудесному» [Трубецкой, 1922, 17].

Третий сюжет, посвященный смерти мельника, также апофатичен в своей сущности: «“Да вы себе беды наделаете, Василий Дмитрич, помилуйте; я и так удивляюсь, как вы доехали? останьтесь”. — “Нет, брат Капитон Тимофеич, уж умирать, так дома умирать; а то что ж я здесь умру, — у меня дома и господь знает что приключится”» [Тургенев, 1991, 147]. Мельник не хочет лечиться, а хочет провести последние дни дома, отдавшись на волю божью. Интересно то, что это не единственный пример, который приходит на ум рассказчику. Последний смертельный эпизод в рассказе связан со смертью близкого друга самого рассказчика, Авенира Сорокоумова, который, зная о своей тяжелой болезни, перед смертью просит рассказать своего собеседника о чем-нибудь новом и удивительном: «Что к родным писать? Помочь — они мне не помогут; умру — узнают. Да что об этом говорить... Расскажи-ка мне лучше, что ты за границей видел? Я начал рассказывать. Он так и впился в меня» [Тургенев, 1991, 150]. Удовлетворение именно духовной потребности снова становится главным перед смертью.

Заключение

Русский человек открыт перед лицом смерти, он не стремится спасти себя: приказчик Максим и мельник Василий не хотят лечиться, но желают доделать последние земные дела, позаботиться о близких и умереть дома. Обгоревший почти до смерти мужик также лежит дома на печи и ждет смерти. В двух эпизодах проявляется охранительная функция дома как сакрального пространства, очага, к которому стремится в последний час русский мужик. Такой апофатизм в отношении к исходу жизни обусловлен национальным образом мира. Смерть может восприниматься не просто как физический конец, она может восприниматься на имажинативном, то есть образном уровне, как в случае с Максимом в лесу. Такое восприятие характерно и для русского фольклора, с которым хорошо был знаком Тургенев. Прочтение рассказа в контексте национальной аксиологии, фольклорного восприятия мира, позволяет утверждать, что автор следовал этическим и эстетическим идеалам русского народа.

Библиография

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992.
2. Борисова Л. В. Концепт «дерево» как лингвокультурный код // Rhema. Рема. 2014. № 1. С. 34–45.
3. Елеонская Е. Н. Представление «того света» в сказочной традиции // Сказка, заговор и колдовство в России. М.: Индрик, 1994. С. 42–50.
4. Конышев Е. М. Тема народа в «Записках охотника» Тургенева: философские и литературные основы // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 204–210.
5. Новикова-Строганова А. А. Христианский дух земли русской («Записки охотника» И. С. Тургенева) // Литературоведческий журнал. 2018. № 44. С. 14–40.
6. Прийма Ф. Я. И. С. Тургенев («Записки охотника») // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л.: Наука, 1976. С. 366–383.
7. Сбойчикова М. В. Концептуальная интерпретация природы мифа в рамках теории «Имажинативного Абсолюта» Я. Э. Голосовкера // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323, № 6: Экономика. Философия, социология и культурология. История. С. 163–168.
8. Трубецкой Е. Н. Подъем в «иное царство» и дальний путь в запредельное // «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдайского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Т-ва, 1922. С. 17–24.
9. Тургенев И. С. Смерть // Записки охотника. М.: Наука, 1991. С. 142–150.

National axiology in the story of I.S. Turgenev “Death”, or about the apophatic of Russian death

Marianna A. Dudareva

PhD in philology,
Senior lecturer of the Department of Russian language No. 2,
Peoples ' friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation;
doctoral student,
Shuisky branch of Ivanovo State University,
155908, 24, Cooperative str., Shuya, Russian Federation,
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Marianna A. Dudareva

Abstract

The article analyzes one of the stories in the series “Notes of the hunter” — “Death”. This work attracted literary scholars from the point of view of the manifestation of Christian thought, the moral ideal of the result of life in the work of I. S. Turgenev. Parallels with the ancient heritage were drawn, the attitude to the death of ancient philosophers and the representation of a meeting with Thanatos in the poetics of a Russian writer were compared. However, Turgenev’s deep knowledge of oral folk art allows us to turn to the Russian folk tradition, national axiology. In a Russian fairy tale, the hero is not afraid of traveling to a “different kingdom” and thus satisfies his spiritual need — he obtains a material bride, a wonderful item, sacred knowledge. Analyzing all the mortal episodes in the story, one can identify the specific character of the image of Russian death, point out its apophatism and ambivalence: the Russian person is not afraid of death, does not seek to save himself, but tries to complete all earthly affairs and die at home. Russian people do not even care if he dies or not. A similar ontological attitude is projected in the story into a beautiful oak grove, whose trees die after severe frosts. This dualism can be understood only in the context of national axiology, reading a work in the light of Slavic mythological and folklore concepts.

For citation

Dudareva M.A. (2020) Natsional'naya aksiologiya v rasskaze I.S. Turgeneva «Smert'», ili ob apofatike russkoi smerti [National axiology in the story of I.S. Turgenev “Death”, or about the apophatic of Russian death]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (1A), pp. 117-121. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.015

Keywords

Russian traditional culture, apophatics, Russian literature, rite, folklore, Turgenev.

References

1. Ar'es F. (1992) Chelovek pered licom smerti. M.: Izdatel'skaja gruppа «Progress» — «Progress-Akademija».
2. Borisova L. V. (2014) Koncept «derevo» kak lingvokul'turnyj kod. *Rhema. Rema. № 1. S. 34–45.*
3. Eleonskaja E. N. (1994) Predstavlenie «togo sveta» v skazochnoj tradicii. *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii. M.: Indrik. S. 42–50.*
4. Konyshchev E. M. (2013) Tema naroda v «Zapiskah ohotnika» Turgeneva: filosofskie i literaturnye osnovy. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2. S. 204–210.*
5. Novikova-Stroganova A. A. (2018) Hristianskij duh zemli russkoj («Zapiski ohotnika» I. S. Turgeneva). *Literaturovedcheskij zhurnal. 2018. № 44. S. 14–40.*
6. Prijma F. Ja. (1976) I. S. Turgenev («Zapiski ohotnika») // *Russkaja literatura i fol'klor (pervaja polovina XIX v.). L.: Nauka. S. 366–383.*
7. Sbojchikova M. V. (2013) Konceptual'naja interpretacija prirody mifa v ramkah teorii «Imaginativnogo Absoljuta» Ja. Je. Golosovkera. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta. T. 323, № 6: Jekonomika. Filosofija, sociologija i kul'turologija. Istorija. S. 163–168.*
8. Trubeckoj E. N. (1922) «Inoe carstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke. M.: Tip. Borovinsko-Voldajskogo Kustarnogo i Sel'sko-Hozjajstv. Sojuznogo T-va., S. 17–24.
9. Turgenev I. S. (1991) *Smert'. Zapiski ohotnika. M.: Nauka. S. 142–150.*